

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

ЛУЧШЕЕ
•
СТРАШНОЕ
•
ДРОЖЬ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
С17

Серия «Самая страшная книга (подарочная)»
Дизайн обложки *Юлии Межовой*
В оформлении книги и на обложке
использованы иллюстрации
Алексея Провоторова

С17 **Самая страшная книга.** Лучшее. Страшное. Дрожь /
Сборник.— Москва: Издательство АСТ, 2021.— 604 с.— (Са-
мая страшная книга (подарочная)).

ISBN 978-5-17-138706-8

Перед вами — новая «антология антологий», второе со-
брание лучших рассказов из ставших бестселлерами анто-
логий серии «Самая страшная книга». На этот раз в него
попали незабываемые истории из сборников 2018, 2019,
2020 и 2021 годов. Каждая из них хороша по-своему — и
каждая по-своему пугает. Такие авторы, как Максим Кабир,
Парфенов М. С., Дмитрий Тихонов, Елена Щетинина, уже
не нуждаются в представлении, но в книгу также вошли
рассказы от восходящих звезд жанра ужасов и мистики
(Богдан Гонтарь, Оксана Ветловская, Герман Шендеров и
другие).

«Самая страшная книга. Новое лучшее» не только от-
лично подойдет для читателей, желающих познакомиться
с современным русским хоррором, но и станет прекрас-
ным подарком для уже опытных ценителей жанра.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

ISBN 978-5-17-138706-8 © Авторы, текст, 2018, 2019, 2020, 2021
© А. Провоторов, ил., 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Папа придет (Александр Матюхин)	8
Корабль живых (Дмитрий Тихонов)	28
Виртуальная машина (Герман Шендеров)	66
Хулиганка (Станислав Минин)	100
Зов высокой травы (Алан Кранк)	134
Висельник и ведьма (Богдан Гонтарь)	172
Земля медузы (Оксана Ветловская)	196
Гран-Гиньоль (Анатолий Уманский)	230
Домофон (Сергей Цветков)	274
Дрожь (Дмитрий Костюкевич)	290
Вешки (Юрий Погуляй)	322
Ванькина любовь (Иван Белов)	346
Сюрприз (М. С. Парфенов)	390
Мать сырой земли (Елена Щетинина)	412
Ползущий (Максим Кабир)	448
Большая и маленькая (Лариса Львова)	482
Вызов (Дмитрий Козлов)	506
Идущие в рай (Кирилл Малеев, Иван Белов)	530
Пустоты (Александр Матюхин, Александр Подольский)	566
Боженька (Майк Гелприн)	592

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ненавижу, когда слово «проект» употребляют в отношении литературы. Оно звучит холодно, как шорох банковской карты, пожираемой банкоматом, и пахнет вспотевшими от жадности ладошками. Всякий раз, когда я называю «Самую страшную книгу» проектом – чувствую бессильную злобу на самого себя. Что ж ты за писатель, если не можешь подобрать словечко получше?..

Проблема в том, что называть то, чем мы занимаемся, «серией» – тоже не правильно. Уже нет. «Самая страшная книга» – ССК – это нечто большее.

Сначала, в 2014 году, это было всего лишь одно издание, одна единственная книжка.

Потом – серия, в которой очень скоро начали издавать не только антологии, но и авторские книги – романы и сборники (включая мой собственный, «Зона ужаса»).

Потом появилась первая «антология антологий», подарочное издание «Самая страшная книга. Лучшее», в которой мы собрали истории из ССК 14, 15, 16 и 17 годов.

Вслед за ней вышел артбук «Миры Говарда Филлипса Лавкрафта». Затем – пара книг из побочной серии «Самая страшная книга. Дом чудовищ». Далее появились первые «Самые страшные комиксы» и еще одна серия, «Horror Zone». Подумываем о создании «детской самой страшной книги»...

А еще появились «Самый страшный фестиваль» и премия «Мастера ужасов».

А еще ждем экранизаций наших рассказов и книг – права проданы, дело за киношниками и телевизионщиками.

...Понимаете, что произошло?

ССК шагнула за рамки одной серии. ССК превращается в целый мир.

Подозреваю, что в обозримом будущем мы с вами сможем говорить уже о некоей «ССК-вселенной». Наверное, не такой продуманной, не столь тщательно структурированной и тесно пронизанной внутренними взаимосвязями, как вселенные Marvel или DC, но все же. Мне почему-то кажется, что движение в этом направлении уже началось.

Может, я и не прав. Но я все равно уверен, что слово «Вселенная» в отношении литературы и искусства звучит куда лучше, чем слово «проект».

«Вселенная русского хоррора» – в этом что-то есть, согласитесь.

Если попытаться развить эту метафору, то отдельные наши книжные серии и мероприятия вроде «Самого страшного фестиваля» – это галактики внутри такой вселенной. И у нас уже есть свои звезды – ими стали такие авторы как Дарья Бобылева, Максим Кабир или Олег Кожин.

Романы и рассказы – планеты и спутники. Антологии как скопления астероидов.

Максим Кабир – маленькое солнце русскоязычной литературы ужасов... Ну здорово ведь звучит!

Причем наши звезды сплошь – молодые да яркие. В нашей вселенной вы не найдете ни черных дыр (подозреваю, что те в основном по толстым литературным журналам да в глянце образуются), ни умирающих красных карликов. Даже те авторы, которых, увы, больше нет с нами (Влад Женеvский – мы помним) – сияют.

...А у вас в руках – вторая коллекция «Лучшего», вобравшая в себя рассказы из ССК зв 2018, 2019, 2020 и 2021 годы. Таким образом, молодая (и десяти лет ведь не исполнилось!) ССК-вселенная приросла еще одной «галактикой», еще одной серией.

Общий совокупный тираж наших книг, кстати, давно перевалил отметку в сто тысяч экземпляров, и теперь мы мечтаем о новых рекордах.

Да, мы витаем в космической бесконечности. Да, мы — мечтатели, фантазеры.

Но четыре года назад, в предисловии к первому «Лучшему» я так и писал: «Мир фантазий границ не имеет, даже если это весьма зловещие мечтания».

И я до сих пор так думаю.

Надевайте скафандры. Отправляемся в полет. Будет страшно.

Парфенов М. С.

Александр Матюхин

Рассказ «Папа придет» питерского автора
Александра Матюхина украсил
«Самую страшную книгу 2018» –
и ее обложку, послужив источником вдохновения
для художника.

А у самого писателя в 2021 году вышел
первый авторский сборник в жанре хоррор –
«Восхищение».

Кроме того, Александр закончил работу
над романами «Кладбище ведьм»
и «Идеальность», в очередной раз прошел
в финал престижного конкурса «Чертова дюжина»
и собрал более чем солидную коллекцию
публикаций в различных антологиях,
включая «13 привидений», «Колдовство»,
«Грань безумия. За гранью безумия»,
«Страшная общага»,
«25 трупов страшной общаги» и многие другие.

Пана пругет

Дед Мороз приходил всегда. Пашка в него верил. Потому что если не верить в чудеса, то как вообще жить? Даже если жить осталось недолго.

Его ударили по носу кулаком, что-то звонко хрустнуло внутри головы, стало нестерпимо больно. Пашка закусил, засучил ногами по полу, дернулся, чтобы встать, но не смог. По губам поползла соленая струйка крови.

— Подписывай, сука,— голос Михалыча, час назад веселый и душевный, сейчас звучал как грозное рычание голодного пса. Михалыч и был псом — беспородной шавкой, позарившейся на чужое.

Пашка познакомился с ним на стройке три недели назад. Михалыч по вечерам убирал мусор с недостроенных этажей. У него была «газель» неприметного цвета, в которую он набивал обрубки арматур, труб, куски стекол, железные пластины, полупустые мешки цемента и алебастра, чтобы потом вывезти на свалку за город или продать по дешевке на рынках.

В первый день знакомства Михалыч подбросил Пашку домой. Тут же купили бутылку водки и распили за интересными беседами. Михалыч казался общительным, веселым мужиком, с приличным запасом интересных историй из жизни. Свой в доску, то есть нормальным друг, с которым можно поговорить на кухне... сейчас, правда, стало понятно, как сильно Пашка ошибался.

Правое веко распухло и пульсировало. Глаз ничего не видел. С левым тоже было не все ладно. Мир вокруг словно укрылся серой дымкой.

Перед Пашкиным лицом потрясли бумагами. Кисло запахло перегаром.

— Всего-то несколько подписей, а? — бурчал Михальч.— Все равно же подпишешь. Я тебя, сучонка, заставлю хоть зубами подписать, понимаешь?

Пашка все понимал. Его развели, как младенца. Втерлись в доверие, разузнали, что живет один в двушке, полученной от государства, споири до чертиков и собирались аккуратно переписать квартиру на другого хозяина. А с Пашкой что? В лучшем случае выбросят где-нибудь на вокзале без документов. В худшем... впрочем, Пашка прекрасно понимал, что будет в худшем. Машина у Михальча вместительная, а свалки за городом он знал как свои пять пальцев. Никто не станет искать детдомовца. Тут и обычных-то людей, с мамами и папами, не всегда ищут.

За спиной Михальча, в глубине квартиры, крутился Васька Дылда — сторож со стройки. Был это тридцатилетний детина ростом два метра, с длинными тонкими руками, широкими плечами и с головой, по форме похожей на грушу. Все верхние зубы у него были золотые, а спина — в наколках. Васька провел два года в дисбате и не переставал этим хвалиться. Со стройки воровал все, что плохо лежало. Об этом он, кстати, тоже рассказывал с нескрываемой гордостью.

— У государства надо красть! — говорил он.— Потому что государство само ничего не даст!

Васька выглядел как человек, который запросто может убить. Два часа назад он положил перед Пашкой документы на передачу собственности и вкрадчиво поинтересовался:

— Подпишешь?

Был разгар веселого предновогоднего празднования. Пашка, честно сказать, уже порядком опьянел и собирался подремать немного на диване у елки. Как раз до боя курантов.

— Это что? — спросил он, наполняя рюмку водкой.

— Подарок. Нам с Михальчем. От тебя.— Васька ухмыльнулся, обнажая ряд золотых зубов. Недобрая у него вышла ухмылка.

Михалыч протягивал ручку. Взгляд у него был трезвый и совсем не веселый. Пашка попытался ухмыльнуться.

— Ребят,— сказал он,— это шутки у вас такие, да?

Любой детдомовец знает такие истории. Про черных риэлторов. Участковый, который приходил к Пашке каждые полгода до его двадцатилетия, как бы нехотя рассказывал об одном пареньке, который тоже из сирот. У него была однушка в двух кварталах отсюда. Работал себе программистом, никого не трогал. А потом пропал. В квартире поселились какие-то женщины азиатской наружности, числом шесть человек, и бумажку о собственности показывали, мол, парнишка переписал квартиру на некоего Исламбека Кизиевича, а сам уехал на Урал искать родственников. Через три месяца его нашли на свалке. Вернее, то, что не успели сожрать собаки и склевать вороны... Эти мысли промелькнули в одурманенной алкоголем голове Пашки и сложились в единую картинку. Он рванул к двери, но ему наперерез уже бежал Михалыч. Васька Дылда с грохотом отшвырнул стул, прыгнул, сбил с ног. Пашка почувствовал, как Васькин кулак ударяется о губы, рвет кожу и с хрустом вышибает зубы. Пашку скрутили, связали руки, протащили через кухню в комнату и усадили спиной к шкафу. Михалыч, с раскрасневшимся лицом и запыхавшийся, матерился. Васька же Дылда, потирая костяшки пальцев, продолжал ухмыляться. Пашке показалось, что квартира наполнилась запахом гнили и отходов. Как на свалке, где он скоро, должно быть, окажется. В разных пакетах.

2

Михалыч присел перед Пашкой на корточки.

— Водку будешь? — спросил он.— С лимоном, а? Нормально так, от души предлагаю.

Пашка закашлял, чувствуя, как шатаются нижние передние зубы. В голове шумело. Руки его были связаны так крепко, что запястья начинали синеть. Левым глазом он

видел набухающие темные прожилки, что разбежались под кожей.

— Дай воды просто...

— А подпишешь? Пашка, друг, я тебе и воды дам, и коньяку налью хорошего, с закуской, все дела. Селечки поедим, шампанского на куранты откроем. Ты же пойми, всего несколько подписей, и вернемся за стол, посидим, как люди!

Из глубины квартиры раздался писклявый голос Васьки:

— Михалыч, что ты с ним возишься! Дай я с ним поговорю! Ну, не понимает человек по-хорошему, видишь же. Есть такие, упертые, человеческого языка не знают! А этот вообще дебил. Ты видел его спальню? Там все машинками заставлено. Модельки эти, которые собирать надо. Штук тридцать, не меньше. Все в коробках! Нормальный человек будет такое хранить? Мы ему одолжение делаем, что эту квартиру потом вычистим и вымоем, хороших людей пустим, уважаемых. А он?..

— Видишь? — вздохнул Михалыч.— Если Ваське сказать, он тебе уши отрежет. Вообще беспредельщик. Давай между мной и тобой, по-тихому, подпишем и разбежимся. Не доводи до греха.

Пашка закашлял снова. Из рта брызнула кровь. Видимо, когда его били, зацепили что-то внутри.

— Сколько времени? — спросил он.

— Ну, десять.

— Скоро Новый год.

— Умных завезли? Без тебя знаю, что Новый год. Мы бы уже давно по домам разбежались, к семьям, в уют и тепло. А приходится тут сидеть, уговаривать.

Не было у Михалыча никакой семьи. А у Васьки в сторожке жила Шура, помятая жизнью баба лет за сорок, которую Пашка никогда не видел трезвой. Васька ее выгонял, а она возвращалась, будто собачонка, которой просто больше некуда податься, кроме как к садисту-хозяину.

— Вы меня убьете?

— Дурачок, что ли? Кто же людей убивает. Мы не звери. Тут честный бизнес. У Васьки есть нормальная хата в соседнем городе. Километров сорок. Сами же и довезем. Уплотнение, так сказать. Понимаешь, в Подмоскowie сейчас конкуренция, честным людям жить негде. А ты в двушке устроился, так сказать. Тебе какая разница, где жить? А там чисто, лес рядом, свежесть...

Михалыч втянул носом воздух, будто и правда уловил в квартире какую-то свежесть. За его спиной появился Васька Дылда. В руке он держал разноцветную коробку.

— Слышь, друг, ты их даже не распаковываешь, что ли? — спросил он. — Прикинь, Михалыч. Так в разобранном виде и лежат. У него тут «порш» крутой. Коллекционный, видать. Может, это, толкнем потом его коллекцию? Сколько тут бабок набежит?

— Машины я себе оставлю, — сказал Пашка и сплюнул кровавой слюной. — Это подарки. Подпишу, что надо, но машины не трогайте. Со мной поедут.

Васька ухмыльнулся:

— Подарки? От кого?

— От Деда Мороза.

Михалыч с Ваской одновременно заржали.

— С юмором у тебя нормально, друг. Я сразу понял, что ты толковый парень! Реально! — Михалыч взял Пашку под локоть, рывком поднял и повел из комнаты в кухню, где на столе все еще стояла новогодняя еда: купленные в супермаркете салаты в пластиковых тарелках, дольки лимона, оливки в блюде и бутылки с водкой и коньяком. Еще в кухне воняло курицей. Пашка поморщился. Просил же открывать форточки.

Михалыч отодвинул тарелки, положил на стол бумаги и ручку. Усадил Пашку на табурет.

— Ну что, договорились? — спросил он.

Пашка косился здоровым глазом в комнату, на Ваську, который все еще вертел в руках коробку с машинкой.

— Насчет коллекции я серьезно, — сказал он. — Оставьте в покое. Это папа подарил. Он каждый год дарит.

— Папа? Ты же, это, сирота.

Пашка протянул руки, взял бутылку с колой и сделал несколько глотков.

— Я не сирота,— сказал он.— Так просто получилось.

3

Пашка помнил, как в четыре года к нему впервые пришел Дед Мороз. Конечно, это был переодетый папа. Пашка легко его узнал по добрым глазам и щетине, пробивающейся из-под ватной бороды. Еще от папы пахло водкой, как всегда.

Дед Мороз потрепал Пашкины волосы и попросил рассказать стихотворение. Пока Пашка старательно рассказывал «К нам на елку, ой-ой-ой...», Дед Мороз налил себе стопку, выпил с мамой и двумя тетями, закусил бутербродом со шпротами (отодвинув бороду на плечо), а потом протянул Пашке подарок — сборную модель грузового автомобиля «ГАЗ-66». На таком, только настоящем, папа ездил у себя на работе. Он был водителем в военной части.

Через полгода папа куда-то пропал. Пашка слышал, как они с мамой часто ругались в кухне, когда думали, что сын спит. Потом исчезли папины вещи — одежда из шкафа, обувь, шины от автомобиля с балкона. Папа перестал приходить после работы, а вместо него появился вдруг дядя Толя, который постоянно рассказывал анекдоты и хлопал маму ладонью по попе. Дядя Толя Пашке не нравился, потому что от него неприятно пахло потом, а еще он не разбирался в моделях машин.

Мама сказала, что папу перевели в другую часть — он работал водителем в армии — куда-то так далеко, что туда не брали ни жен, ни тем более детей. Пашка поверил, хоть и ненадолго.

Как-то раз ночью Пашка проснулся в своей комнате от внезапного страха. Показалось, что кто-то смотрит на него в окно. Сквозь прозрачные занавески мигали далекие огни из окон других домов, мутным светом расплывался в небе